

Г. А. Праздников⁴

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГОМОСФЕРА: НРАВСТВЕННО-СМЫСЛОВОЕ ЕДИНСТВО МНОГООБРАЗНОГО МИРА

Сложный многомерный процесс глобализации, рассматриваемый как необходимое выражение объективных универсальных исторических тенденций, есть вполне очевидное, подробно описанное и проанализированное явление неизбежного сближения народов, наций и стран. Мощное развитие информационных связей на основе новейших средств коммуникации; возрастающая интенсивность миграционных потоков; единые механизмы мировой экономики, транснациональные корпорации; создание международных политических правительственных и неправительственных организаций; свободное движение по планете новых достижений технической цивилизации...

⁴ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный профессор СПбГУП. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. книг: «Процесс художественного творчества», «Нравственный смысл художественного творчества», «Искусство и спорт», «Направленность художественной формы: художник и публика», «Нравственный смысл художественного творчества» и др. Член Союза театральных деятелей Санкт-Петербурга.

Охватывает этот процесс и область духовной культуры в полном объеме. Даже в такой тонкой и сложной сфере, как искусство, общность художественного развития выявилась сравнительно рано — уже в XVII–XVIII веках. Сходные художественные процессы обнаруживались в странах, находящихся на совершенно разных уровнях политического и экономического развития. В первой половине XIX века появляется понятие «мировая литература», впервые использованное Гёте в одной из бесед с Эккерманом (1827). Он и позже неоднократно обращается к теме «Weltliteratur», толкуя не самоочевидный факт существования словесных форм в разных странах и эпохах, но акцентируя внимание на взаимосвязях, взаимовлияниях, основанных не только на заимствовании литературных приемов, но и на общности гуманистических идеалов. Спустя двадцать лет в более широком смысловом контексте понятие «мировая литература» используют Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии». Для названных авторов понятие «мировая» означает общность литератур западноевропейского ареала. В наше время — это пространство всех пяти континентов и предельно широкое предметное содержание — «мировая культура». Теоретическое содержание понятия укрепляется и развивается по мере фактологического постижения и осознания всемирной истории как единого процесса.

Заметным событием не только российской, но и мировой науки стала книга академика Николая Иосифовича Конрада «Запад и Восток» (М., 1966), результирующая многолетние исследования выдающегося советского ученого в области сравнительно-типологического изучения культур. Колоссальную теоретическую ценность представляет спектр предложенных автором подходов, выявляющих эту общность: историческое единство культур в прошлом; сопоставление культур, существовавших в одинаковые исторические периоды; сравнительное изучение не связанных друг с другом культур Запада и Востока; типологическая общность культурных явлений, складывающаяся в независимом друг от друга существовании и, наконец, взаимовлияние культур друг на друга в их взаимодействии. Идея общности человеческой истории — центральный идейный стержень этой работы; неслучайно статья «О смысле истории» поставлена в конец книги.

Еще в 1920–1930-е годы наш великий соотечественник академик Владимир Иванович Вернадский рассматривает человечество как единое целое в качестве важнейшей «ставшей» характеристики новейшей истории, касающейся «всех и каждого». Это состояние человеческого рода, трактуемое им как геологический фактор (свойство планеты Земля), Вернадский назвал «ноосферой» (сферой разума). В высшей степени значимо, что новый этап истории ученый связывает с перестройкой мира в интересах свободного мыслящего человечества на основе критерия *справедливости*¹.

В наших разговорах о глобализации ее экзистенциально-нравственное измерение чаще всего оказывается вынесенным за скобки. По умолчанию предполагается, что глобализация — благо, а некоторые ее отрицательные тенденции — лишь неизбежные издержки сложного процесса. Антиглобалисты на экранах телевизоров выглядят как сборища хулиганов, мешающих ответственному государственному деятелям решать серьезные вопросы. Все намного сложнее.

Выступая на Лихачевских чтениях 2010 года, член индийского парламента М. Джоши отметил страшное противоречие между привлекательностью самого слова «глобализация», пробуждающего в нас «благородное чувство “единой земли”», обращающего к идеалам человеческого единства и всеобщего братства, и реальным глобализмом «рыночных сил с бандитской конкуренцией» и растущим неравенством между народами и внутри конкретных стран². До известных пределов можно безоценочно говорить о глобализации, описывая ее аспекты, формы, характеристики, но такой подход невозможен, когда речь идет о глобализме — идеологии и практике сознательного управления этим процессом.

Общность истории с особой очевидностью открылась человеку XX века. Тогда впервые появилась возможность охватить единым взором культуру большого времени и большого пространства, хотя идея глобального мира существовала на протяжении всей человеческой истории. Ныне всемирность бытия не только постигается на теоретическом уровне, но и переживается

лично. Мир предстал перед нами в поражающем воображение многообразии. Все практические и теоретические (их предостаточно) попытки унифицировать это многообразие мирового развития (*одна культура, одна религия, одна философия*) губительны. Один из самых неудачных социальных прогнозов XIX века на грядущий XX — предполагаемое «умирание» наций, растворенных в «общем» человечестве. Национальная проблема не только не была снята, но оказалась одной из самых болезненных для XX века. Ее острота не утрачена и с переходом в новое тысячелетие. Чего стоит такая угроза цивилизованному человечеству, как терроризм. Нет и не может быть оправдания убийству беззащитных, безвинных людей. Нет иной альтернативы, кроме беспощадной борьбы с ним. И все же надо найти мужество понять невероятную сложность ситуации, суметь в бесчеловечных действиях увидеть и жест отчаяния, толкающий молодых женщин на добровольную смерть. Да, фанатизм. Да, нет и не может быть оправдания. Но остается наша обязанность — понять. Нарастающая волна ненависти не может быть остановлена силой или попыткой переделать многообразный мир по единому образцу и подобию — пусть сильного, развитого, демократического, но *другого* государства. Безумна и преступна сама попытка присвоения себе такого права.

Разные культуры нуждаются друг в друге — каждая для самой себя и каждая — для существования целого, развивающегося через «равноразличия» (М. Гелфтер). Вместе с тем понимание необходимости сохранить многообразный мир не только не исключает, но и предполагает возможность увидеть это *многообразие как единство*. Вспомним еще один смысловой аспект глобальности, дополнительный к глобальному, относящемуся ко всему на Земле («globus»). Глобальность — как постижение вещей в сущностных характеристиках, обнаруживающих их всеобщность, всеобъемлемость, целостность («global»). Планетарно осваивая мир, мы обнаруживаем *различия в явлениях внешне сходных и смысловое единство в различиях*. Мировая культура строится на базисных, фундаментальных, *смысловых* основаниях человеческого бытия, *отражая* их и одновременно участвуя в *порождении и закреплении* смыслов истории.

В своей концепции культуры Д. С. Лихачев постоянно обращал внимание на ее *объединяющую* роль, полагая эту ее функцию как *целевую*. Это взаимное общение и стремление к нему возможны только на основе некой единой силы, связывающей все культуры. Один из крупнейших историков минувшего века Арнольд Тойнби просто и точно определил эту «тягу» людей друг к другу как потребность реально осознать и пережить *«обицую им человечность»* (курсив мой. — Г. П.), позволяющую жить вместе одной семьей, сохраняя при этом культурное разнообразие. А. Тойнби, как и его адресат Н. Конрад, видят реальную опасность во «всепоглощающей унификации», которой надо противостоять всеми силами³.

¹ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 24.

² См.: Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13–14 мая 2010 года. СПб., 2010. С. 68.

³ Диалог историков. Переписка Ф. Тойнби и Н. Конрада // Новый мир. 1967. № 7. С. 177.

Здесь хочется процитировать (по памяти) замечательное высказывание из «Дневников» Ф. Кафки: «Все хорошие люди идут в ногу, а другие этого не знают и пляшут вокруг них танец эпохи».

«Общая человечность» — вовсе не абстрактно-теоретическое понятие. Она конкретно воплощена в духе любви, заключенном в разных религиях, фольклорных параллелях, сущностной близости философских исканий¹, легком пересечении границ искусством и др. Эта человечность воплощается в культуре, подтверждается и утверждается ею.

Мы все более отчетливо понимаем, что всякая деятельность осуществляет свое назначение в смысловом пространстве человеческой жизни. Специфические характеристики любой культурной деятельности «работают», а главное — что-то значат только в реальном человеческом бытии. «Мир человека» — понятие нейтральное, безоценочное, нетождественное «человеческому миру». *Человечность* — качественная оценка этого мира, экзистенциально-нравственное его толкование. Человеческий мир строится в соответствии с идеалами добра–истины–красоты (какую бы ироническую усмешку ни вызвала эта фраза у постмодерниста). Современная культура утратила статус самоценности и вышла за рамки самооправдания.

Мы знаем не только бесчеловечные научные и технические проекты, но и лишённые человечности философию, эстетику, этику; антигуманное (даже манифестированно антигуманное) искусство, чудовищные проявления религиозного фундаментализма, уродующий человека спорт — практически весь объем «культурных усилий», ведомственно принадлежащий гуманитарной сфере. Со всей очевидностью обнаруживается ныне бесчеловечность рыночно-центристского подхода к реформированию России. Наши беды, вызывающие все более выраженную социальную напряженность в стране, раньше казались следствием естественных трудностей переходного периода, а сейчас все отчетливее осознаются как прямое следствие идеологии либерально-рыночного фундаментализма. Факты аналогичных процессов за рубежом облегчения не приносят.

В одном интервью в середине 1980-х годов Д. С. Лихачев высказал мысль о необходимости выработать научное понятие, вмещающее в себя совокупность сложнейших отношений людей друг с другом, внутренний мир отдельного человека, контакт человечества с природой и Вселенной. По его мнению, это должно быть понятие «всеобъемлющее, как ноосфера Вернадского, как биосфера, но заключающее в себя иную основу — человечность, гуманность, одухотворенность»². По мнению Дмитрия Сергеевича, такому содержанию мог бы отвечать термин «гомосфера» (человекофера). Посвятивший всю свою многолетнюю жизнь исследованию русской культуры, ученый никогда не мыслил ее изолированной от культуры мировой, всегда ставил вопрос: «Что мы взяли у других и что мы им сами дали?»³ Даже соборность, традиционно полагаемую характер-

ной для православного мира, Д. С. Лихачев рассматривал как черту универсально европейскую.

В контексте рассматриваемой темы необходимо отметить нераздельное для Дмитрия Сергеевича соотношение проблем «человечества и человечности»⁴ (курсив мой. — Г. П.). Он говорит о необходимости *гуманизации* гомосферы, подчеркивает, что пока видит только знаки, тенденции, штрихи, «намекы на будущее». Даже делает оговорку: если допустить (чего он не допускает!), что эти его построения ошибочны, «что все идет в мире по нисходящей», то оптимизм необходим, «как мощный стимул борьбы за добро против зла»⁵.

После этого интервью прошло почти 30 лет — для современных темпов исторического процесса более чем достаточный отрезок времени. Действительно, вроде бы не оправдались надежды нашего замечательного современника: все чаще говорят об инволюционных процессах в культуре, ее «варваризации» и прежде всего об утрате миром человечности. Оснований для горестных суждений более чем достаточно. В этих условиях невозможен натужный оптимизм. Неприемлем и пессимизм, ибо последовательная безнадежность по большому счету предполагает осознанное коллективное или индивидуальное прекращение жизни. На эти процессы необходимо смотреть реалистически, памятуя о том, что все происходящее в сфере духа зависит от человека. Как писал Б. Пастернак в одном из писем О. Мандельштаму: умирает то, чему дают умереть. В уже упомянутой выше работе академика Н. И. Конрада тоже ставится эта острая, тревожащая нас проблема: можно ли говорить о каком-то историческом прогрессе, развитии человека и человечности, когда реальный человек окружен океаном горя и страданий? Все это было и есть. Однако «великим достижением человечества и, пожалуй, наивысшим проявлением прогресса» было распознавание зла, названного злом, насилия — насилием, преступления — преступлением. Это не просто слова, что-то обозначающие: «Они пострадали, они родились в процессе развития и борьбы»⁶.

Единство человечества — не прекраснотдушная формула. Мир в целом и любой его отдельный фрагмент сегодня представляют собой напряженную поляризацию сил. Злу противостоят силы сопротивления. Должны противостоять. Тихий, мягкий, интеллигентный Дмитрий Сергеевич не избегал императивного тона: «Культура *должна*...», «Человек *обязан*...» И государство должно, обязано. Гражданское общество должно, обязано. Великие понятия «право» и «свобода» «заболтаны» до неприличия. В условиях нынешнего состояния страны и мира говорить о правах и свободах без одновременного акцента на обязанностях и ответственности просто стыдно. Сделать мир, в котором добро и справедливость — не только этические принципы, но и формы повседневного поведения — от интимного общения до межгосударственных отношений, — наша первейшая всеобщая обязанность.

⁴ Лихачев Д. С. Тысячелетие письменной культуры восточного славянства и мира.

⁵ Лихачев Д. С. Память истории священна. С. 19.

⁶ Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966. С. 508.

¹ «Есть <...> одна философия, по-разному выполненная в текстах различных стран, культур, времен и личностей» (Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М., 1999. С. 25).

² Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 15.

³ Лихачев Д. С. Тысячелетие письменной культуры восточного славянства и мира // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., 1985. С. 148.